

Лев Николаевич Толстой

Письма. (1890–июнь 1891)

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Т52

Т52 **Толстой Л.Н.**
Письма. (1890–июнь 1891) / Лев Николаевич Толстой – М.: Книга по Требо-
ванию, 2012. – 398 с.

ISBN 978-5-4241-0745-0

ISBN 978-5-4241-0745-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ниях Толстого не случайность, а выражение тех противоречивых условий, в которые поставлена была русская жизнь последней трети XIX века»¹.

Выражая идеи и настроения, сложившиеся у миллионов русских крестьян в эпоху подготовки буржуазной революции в России, Толстой гневно бичевал господствующие классы, восставал против социального зла, но глубоко заблуждался в решении вопроса о путях преодоления этого зла. И эти заблуждения отразились во многих его письмах.

Читая письма Толстого, относящиеся к последним десятилетиям его жизни, надо иметь в виду, что соотношение «разума» и «предрассудка» в них не совсем такое, как в его художественных произведениях. Разумеется, ложная религиозно-философская доктрина Толстого наложила существенный отпечаток и на его художественное творчество. Но в романах и повестях Толстого, как правило, происходит победа трезвого реализма художника над иллюзиями и предрассудками его доктрины; правда жизни, воплощенная в искусстве, оказывается убедительнее и сильнее, чем проповедь новой, очищенной религии. Иное видим мы в некоторых статьях Толстого, а тем более во многих его письмах. Здесь острая критика буржуазно-помещичьего общества и государства часто сопровождается настойчивыми призывами к непотоплению злу, к нравственному самоусовершенствованию как наилучшему якобы способу разрешения всех назревших социальных проблем. Порою в письмах Толстого, особенно в тех, которые написаны в ответ на вопросы русских и иностранных толстовцев, на первый план выступает именно «предрассудок», непотопленчество. Об этом свидетельствует и материал рассматриваемых томов. Немало страниц в этих томах заполнено наивнейшими рассуждениями на тему о спасительности целомудрия, о нравственной пользе вегетарианства и т. п.; во многих письмах пространно разрабатываются утопические рецепты спасения от социальных зол на основе «закона Христа».

В. И. Ленин писал: «Протест миллионов крестьян и их отчаяние — вот что слилось в учении Толстого»². Толстой отражал накипевшую ненависть и гнев народных масс против угнетате-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 183.

² Там же, т. 16, стр. 302.

лей, и это давало ему возможность подняться в художественных произведениях до небывалых, никем до него не достигнутых высот реалистического изображения жизни. Но Толстой отражал и «отчаяние» крестьянских масс, их политическую невоспитанность и слабость, и это в известной мере сковывало его как художника; сковывало не только потому, что предрассудки входили в образную ткань его произведений, но и потому, что эти предрассудки приводили его порою к неверным взглядам на собственное творчество.

В письме к П. И. Бирюкову от 17 января 1890 г. Толстой говорит о своей работе над комедией «Плоды просвещения»: «По случаю игры комедии я всё поправлял ее и даже после исправлял ее. Очень низкое и увлекающее занятие...» Даже свою работу над «Воскресением» он характеризует как «низкое ремесленное занятие», к которому «полезно относиться презрительно»¹.

Мы видим здесь яркое свидетельство той внутренней борьбы, которая происходила в Толстом. Заложенная в нем могучая творческая сила властно влекла его к работе над художественными произведениями, но ложная христианская мораль побуждала его смотреть на писательскую деятельность, — на ту именно деятельность, которая принесла ему бессмертие! — как на «низкое» занятие. Религиозные воззрения Толстого таким образом вступали в острейший конфликт с природой его художественного творчества. И то, что Толстой, наперекор собственным неверным взглядам, не отказывался от литературной работы, не прекращал ее, знаменовало торжество творческого разума художника над его заблуждениями.

Борьба противоречий в сознании Толстого особенно ясно видна в его письмах, адресованных приверженцам его доктрины.

«Толстой смешон, как пророк, открывший новые рецепты спасения человечества, — писал Ленин, — и поэтому совсем мизерны заграничные и русские «толстовцы», пожелавшие превратить в догму как раз самую слабую сторону его учения»².

¹ Т. 65, стр. 14—15.

² В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 183.

В последние десятилетия жизни Толстого вокруг него начала формироваться своего рода секта. В эту секту входили и кающиеся дворяне, и «опростившиеся» интеллигенты, и отдельные представители крестьянства. Эти «мизерные» толстовцы по сути дела были далеки от Толстого, как небо от земли. Они не могли и не хотели понять ни величия писательского гения Толстого, ни обличительной, мятежной сущности его реалистического творчества.

Отношение Толстого к этим людям, называвшим себя его «единомышленниками», было весьма сложным. Он нередко оказывал им чрезмерное внимание и доверие, но вместе с тем он много раз вступал с ними в споры. Ему претило сектантское высокомерие толстовцев, их фанатизм, их попытки замкнуться и обособиться в узкую касту «избранных». В противовес настойчивым попыткам толстовцев порвать все связи с обществом, создать для себя особые условия жизни, удалиться из городов и жить «по закону Христа» в изолированных колониях, Толстой утверждал: «Внешние условия жизни не только не надо искусственно устраивать, но надо всячески стараться избегать внешнего устройства, потому что ничто так не убивает внутреннее, как внешнее, и ничто так не развивает лицемерие (самого страшного врага истины), лицемерие, гордость, неуважение к людям, как приписывание значения внешним формам жизни»¹. Предложение одного из толстовцев, И. Файнермана, созвать в Ясной Поляне съезд «единомышленников», чтобы обсудить их дальнейшие планы, встретило со стороны Толстого резкий отпор. Толстой решительно осудил попытки «искания единения с людьми, — с известными, избранными людьми». Он писал: «Где та печать, по которой мы узнаем *наших*? Не грех ли выделять себя и других от остальных? И не есть ли это единение с десятками — разъединение с тысячами и миллионами?»²

Эти строки свидетельствуют, как громадно было расстояние между великим художником, отразившим настроения и чаяния миллионных крестьянских масс, и горсткой оторванных от народа сектантов, цеплявшихся за букву толстовской догмы.

¹ Т. 65, стр. 47.

² Там же, стр. 239, 241.

Центральным событием жизни Толстого в рассматриваемый период была его большая общественная деятельность по оказанию помощи крестьянам, пострадавшим от голода.

Голод, охвативший значительную часть территории России в 1891—1892 гг., не был следствием одной только засухи. Основная причина его лежала глубже. В пореформенной России земледелие было «в руках разоренных, обнищавших крестьян, которые вели устарелое, первобытное хозяйство на старых крепостных наделах, урезанных в пользу помещиков в 1861 году»¹. Неурожайные годы ускорили и усилили то массовое разорение крестьянских хозяйств, которое совершалось на протяжении предшествовавших тридцати лет. Голод 1891—1892 гг. обнаружил, до какого чудовищного, нечеловеческого обнищания дошли широкие массы тружеников русской деревни, отягощенной пережитками крепостничества, отданной на поток и разграбление бурно развивающемуся капитализму.

В голодные годы с особенной силой проявилась та «быстрая, тяжелая, острая ломка всех старых «устоев», старой России», которая «отразилась в произведениях Толстого-художника, в воззрениях Толстого-мыслителя»². Те проблемы, которые глубоко волновали Толстого в течение многих лет, в связи с голодом встали перед ним с новой, небывалой, мучительной остротой.

Толстой не мог оставаться безучастным к народному бедствию. Он не мог и не хотел ограничиться обычными для людей его социального круга формами помощи: сбором пожертвований, раздачей милостыни. В течение двух лет он отдавал все свои силы практической работе по спасению голодающих. Поселившись с группой сотрудников в одном из районов, пострадавших от неурожая (в деревне Бегичевке Рязанской губернии), всемирно прославленный 63-летний писатель лично занялся массовым устройством столовых, где неимущие крестьяне получали бесплатное питание. Толстой обходил крестьянские двory, проводил перепись особо нуждающихся, ездил по деревням, наблюдая за работой столовых, закупал продукты, распреде-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 300.

² Там же, стр. 301.

лял продовольствие и дрова по столовым, вникая во все хозяйственные мелочи, связанные с организацией помощи голодающим.

Письма Толстого, помещенные в 66 томе, ярко характеризуют его самоотверженную, кипучую практическую деятельность по оказанию помощи пострадавшим от голода. И они отражают в то же время ту острейшую внутреннюю борьбу, которая происходила в сознании писателя.

Толстой прекрасно понимал, что голод, вспыхнувший в 1891 г., не представлял собою кратковременного, преходящего бедствия, а явился обострением тех бедствий, от которых народ страдал уже давно. Толстой писал Н. С. Лескову 4 июля 1891 г., что голод — это «большой, чем обыкновенно, недостаток хлеба у тех людей, которым он нужен, хотя он есть в изобилии у тех, которым он не нужен»¹.

Спасая пострадавших от голода крестьян, Толстой с болью сознавал, что он в состоянии лишь немного уменьшить размеры народного горя, но не в силах уничтожить это горе и вызывающие его причины. Он писал художнику Н. Н. Ге и его сыну: «Чувствую потребность участвовать, что-то делать. И знаю, что делаю не то, но не могу делать то, а не могу ничего не делать»². Письма Толстого к разным лицам, отправленные из Бегичевки, свидетельствуют, что помощь голодающим доставляла ему немалое моральное удовлетворение: он испытывал «радости общения с людьми»³, он чувствовал, что труд ради спасения пострадавших «радостен и увлекает». Но он остро ощущал тяжесть своего положения, заключавшуюся в «внутреннем постоянном сознании, что это не то, и сознании стыда перед самим собою»⁴. Его терзала неотвязная мысль о том, что наряду с голодными, которым он оказывает действительную помощь, есть и другие голодные, которых он не может спасти. «Нельзя представить себе, до какой степени тяжело быть в положении распорядителя, раздавателя и по своему выбору давать или не давать. А всё дело в этом. Очень тяжело, но уйти нельзя»⁵.

¹ Т. 66, стр. 11.

² Там же, стр. 81—82.

³ Там же, стр. 143.

⁴ Там же, стр. 149.

⁵ Там же, стр. 198.

В одном из писем Толстой вспоминает старинную легенду о нищем, который упрекнул помогавшего ему монаха: «То, что ты делаешь, ты делаешь не для меня, ты не любишь меня, а только мной спастись хочешь». Приводя эти слова, Толстой добавляет: «Вот такое же я чувствую отношение к нам народа и чувствую, что так и должно быть, что и мы им спастись хотим, а не его просто любим — или мало любим»¹.

Эти строки с поразительной силой обнажают душевную драму Толстого, который в последние десятилетия своей жизни все сильнее тяготился своей принадлежностью к имущим классам. Разумеется, великий художник был глубоко несправедлив к себе, когда укорял себя в неискренности, в недостаточной любви к народу. Вместе с тем здесь сказалось стремление «дойти до корня» в поисках причин бедствий народных масс, сильный и смелый протест Толстого против всех видов эксплуатации человека человеком. Оказывая помощь голодающим, сознавая, что такая помощь необходима и полезна, Толстой вместе с тем ясно видел несостоятельность попыток устранить общественное зло усилиями самоотверженных и добрых гуманистов-одиночек. Отсюда и произошло и нарастало в нем обостренное недовольство собой, нашедшее выражение в цитированном письме. (Как известно, слова «ты мною спастись хочешь» Толстой впоследствии повторил в «Воскресении»: он вложил их в уста Катюши Масловой, осуждающей барское великодушие князя Нехлюдова.)

Занимаясь помощью голодающим крестьянам, Толстой с особой, мучительной силой увидел всю глубину пропасти между «верхами» и «низами», эксплуататорами и эксплуатируемыми. Он писал С. А. Толстой из Бегичевки 10 сентября 1892 г.: «Здесь так все притерпелись к бедствию, что идет непрестанный пир во время чумы. У Нечаевых были именины, на которых была Самарина, и обед с чудесами французского повара, за которым сидят 2½ часа, у Самариных роскошь, у Раевских тоже — охота, веселье. А народ мрет... Контраст между роскошью роскошествующих и нищетой бедствующих всё увеличивается, и так продолжаться не может»².

Ощущение этого контраста становилось для Толстого все более нестерпимым. «Как ни знаешь твердо весь грех нашего

¹ Т. 66, стр. 182—183.

² Т. 84, стр. 160.

ссловия перед народом, эти года и это отношение, близкое с беднотой народа, яснее и неизгладимее показали мне всю величину и мерзость этого греха»¹. С нараставшей настойчивостью возникала в сознании художника мысль о неизбежности и близости больших социальных перемен. «Всё больше и больше страдаю от лжи этой жизни и верю в ее изменение»². «Мне всё кажется, что так продолжаться не может и что должен произойти переворот»³.

Свои гневные и горькие мысли, вызванные зрелищем народного бедствия, Толстой изложил в серии статей о голоде. Часть этих статей, вследствие препятствий, чинившихся царской цензурой, была первоначально опубликована не в России, а за границей.

Статьи Толстого о голоде принадлежат к числу его наиболее смелых, острых, волнующих публицистических работ. Противоречия мировоззрения писателя сказались, конечно, и в них: они содержали наивные призывы к представителям господствующих классов покаяться, осознать свою вину перед народом и прийти на помощь голодающему крестьянству во имя христианской любви к ближнему. Но сила и значение этих статей заключались, конечно, не в утешительных, мечтательных воздыханиях, не в апелляции к милосердию благотворителей, а в резкой, поистине беспощадной критике эксплуататоров. Толстой доходил в своей критике до самых основ буржуазного строя; он с присущей ему неумолимой прямоотой вскрывал коренные, назревшие социальные противоречия. Он писал:

«Народ голоден оттого, что мы слишком сыты.

Разве может быть не голоден народ, который в тех условиях, в которых он живет, то есть при тех податях, при том малоземельи, при той заброшенности и одичании, в котором его держат, должен производить всю ту страшную работу, результаты которой поглощают столицы, города и деревенские центры богатых людей...

Народ всегда держится нами впроголодь. Это наше средство, чтобы заставить его на нас работать. Нынешний же год проголодь эта оказалась слишком велика»⁴.

¹ Т. 66, стр. 378.

² Там же, стр. 342.

³ Там же, стр. 206.

⁴ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., изд. Сытина, т. XVIII, М. 1913, стр. 57.

Статьи Толстого о голоде произвели колоссальное впечатление на всех передовых мыслящих людей России. Как известно, В. И. Ленин в статье «Признаки банкротства», опубликованной в 1902 г., сослался на статьи о голоде Толстого: «Хищническое хозяйство самодержавия покоилось на чудовищной эксплуатации крестьянства. Это хозяйство предполагало, как неизбежное последствие, повторяющиеся от времени до времени голодовки крестьян той или иной местности. В эти моменты хищник-государство пробовало парадировать перед населением в светлой роли заботливого кормильца им же обобранного народа. С 1891 года голодовки стали гигантскими по количеству жертв, а с 1897 г. почти непрерывно следующими одна за другой. В 1892 г. Толстой с ядовитой насмешкой говорил о том, что «паразит собирается накормить то растение, соками которого он питается». Это была, действительно, нелепая идея»¹.

Деятельность Толстого по оказанию помощи голодающим, и особенно его выступления в печати, раскрывшие перед широкими читательскими массами истинные размеры и причины народного бедствия, крайне обострили раздражение против него со стороны правящей верхушки. Министр внутренних дел Дурново в докладе на имя Александра III писал по поводу письма Толстого о голоде, что оно «по своему содержанию должно быть приравнено к наиболее возмутительным революционным воззваниям»². Из страха перед русским и международным общественным мнением царское правительство не решилось подвергнуть прославленного художника прямым репрессиям; проекты, возникшие было у некоторых высокопоставленных мракобесов, — арестовать Толстого или заточить его в монастырь — так и не были осуществлены. Но реакционные чиновники, журналисты, цензоры, попы, жандармы надолго создали вокруг Толстого гнетущую атмосферу слезки и травли.

Однако ни нападки официальной печати, ни нависшая угроза ареста не смутили Толстого. Он не считал нужным угождать властям или идти в чем бы то ни было навстречу их требованиям. В письме к С. А. Толстой от 28 февраля 1892 г. он гордо утвер-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 66—67.

² Н. Гусев, Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого, М.-Л. 1936, стр. 465.

ждал: «Я пишу, что думаю, и то, что не может нравиться ни правительству, ни богатым классам, уже 12 лет, и пишу не нечаянно, а сознательно, и не только оправдываться в этом не намерен, но надеюсь, что те, которые желают, чтобы я оправдывался, постараются хоть не оправдаться, а очиститься от того, в чем вся жизнь их обвиняет... То же, что я писал в статье о голоде, есть часть того, что я 12 лет на все лады пишу и говорю и буду говорить до самой смерти, и что говорит со мной всё, что есть просвещенного и честного во всём мире»¹.

Смелые выступления Толстого по поводу голода и его мужественная позиция перед лицом грозивших ему репрессий еще больше увеличили внимание и симпатии к нему со стороны передовой общественности в России и во всем мире. Этот яркий эпизод биографии Толстого остался в памяти прогрессивного человечества.

Не так давно американский романист, активный борец за мир Альберт Мальц, в речи на тему «Писатель — совесть народа» напомнил о литературной деятельности Толстого в связи с голодом 1891 г. и о его конфликте с царским самодержавием. Он увидел в выступлениях Толстого выдающийся образец писательской правдивости и бесстрашия, поучительный для современных западных деятелей культуры. Он призвал интеллигенцию США выступать против империалистической реакции, не боясь правительственного террора².

Так пример Толстого-обличителя вдохновляет передовых зарубежных писателей наших дней.

III

В публикуемых томах немало места занимают письма Толстого к иностранным корреспондентам. В письмах его к разным адресатам нередко затрагиваются вопросы зарубежной литературной и общественной жизни.

Еще во второй половине 80-х годов Толстой достиг громадной, всемирной славы. Его произведения были переведены на многие иностранные языки. Его мировое значение как художника стало бесспорным, общепризнанным. Писатели и критики разных

¹ Т. 84, стр. 128.

² См. А л ь б е р т М а л ь ц, Избранное, М. 1951, стр. 552.

стран, изучая произведения Толстого, приходили к выводам о превосходстве русского реализма над западным. Ромэн Роллан, вспоминая о том впечатлении, которое производило творчество Толстого на его зарубежных современников, утверждает: «Никогда еще подобный голос не звучал в Европе»¹.

Многогранная, сложная, противоречивая личность Толстого давала повод ко многим спорам. Толстой стал за рубежом предметом обостренной идейной борьбы. Эта идейная борьба достигла особой напряженности на грани XIX и XX столетий — после выхода «Воскресения». Но уже в течение 90-х годов в зарубежных странах наметились два лагеря в восприятии и оценке Толстого. Для представителей прогрессивного искусства и мысли Толстой имел громадное значение как гениальный художник-реалист и вместе с тем как критик и обличитель капиталистического строя. В противовес этому для многих литераторов буржуазно-либерального, а подчас и консервативного направления Толстой представлял интерес прежде всего как проповедник христианского милосердия и новой, очищенной религии. В печати Западной Европы и Америки делалось много попыток использовать слабые стороны учения Толстого в целях охраны устоев буржуазного общества.

Толстовские идеи нравственного самоусовершенствования и «непротivления злу» быстро нашли отклик в различных иностранных религиозных и полурелигиозных объединениях, сектах и группах. За границей обнаружилось немало «мизерных» толстовцев, которые, игнорируя социальную проблематику реализма Толстого, охотно пропагандировали его религиозно-утопическую доктрину. Эти лица вступали в переписку с Толстым, объявляли себя его сторонниками, пускались в пространные и путаные морально-казуистические рассуждения, ожидая от него ответов и разъяснений. Ложные религиозные взгляды Толстого нередко побуждали его уделять внимание иностранным реформаторам и сектантам, разного рода квакерам и шекерам. В переписке с зарубежными «единомышленниками» и «последователями» проявлялись наиболее слабые стороны мировоззрения Толстого.

Непрерывно возрастающая международная слава Толстого привлекала к нему внимание и литературоведов и пере-

¹ Ромэн Роллан, Собр. соч., т. XIV, Л. 1933, стр. 201.